

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2023, Том 14, № 3 / 2023, Vol. 14, Iss. 3 <https://sfk-mn.ru/issue-3-2023.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/33FLSK323.pdf>

5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Фадеева, А. И. Ранние поэтические произведения Венедикта Марта в контексте творческой языковой личности / А. И. Фадеева // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2023. — Т. 14. — № 3. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/33FLSK323.pdf>

For citation:

Fadeeva A.I. Venedikt Mart's early poetical works in the context of creative linguistic persona. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2023; 14(3): 33FLSK323. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/33FLSK323.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.)

Фадеева Алена Ивановна

ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», Владивосток, Россия
Ассистент, аспирант
E-mail: yallery30@gmail.com

Ранние поэтические произведения Венедикта Марта в контексте творческой языковой личности

Аннотация. Венедикт Март — поэт-футурист, в языке которого отразилась дальневосточная ментальность. Изучение языковой личности автора позволяет не только установить его особенности, но и сделать проекцию на общее языковое пространство, в котором функционирует индивидуальный язык. Настоящее исследование ставит целью выявление особенностей творческой языковой личности Венедикта Марта на раннем этапе ее формирования, что создаст основу для ее дальнейшего изучения. Методологическую и теоретическую базу исследования составили работы Ю.Н. Караулова, М.Ю. Лотмана, Н.Д. Арутюновой, Л.Г. Бабенко. В статье демонстрируется алгоритм, а также приводятся результаты анализа текстов поэтических сборников «Порывы» и «Песенцы». На основании анализа текстов сборника «Порывы» делаются следующие выводы относительно языковой личности автора: (а) основным способом художественного переосмысления действительности является интеллектуальная оценка; (б) доминантными эмоциями становятся тоска, неуверенность, душевные страдания; (в) главными концептами, отраженными в текстах, являются любовь, поэзия, тоска; (г) в процессе композиционного развертывания сборника оформляются представления автора о сути поэзии, ценности любовных переживаний, собственном творческом пути. В результате анализа сборника «Песенцы» сделаны следующие наблюдения относительно когнитивного уровня языковой личности автора: (а) наиболее продуктивным способом оценки внешнего мира становится зрительная оценка; (б) релевантным для автора становится мультикультурный опыт; (в) подражание японской поэзии носит формальный характер. Итогами работы становятся, во-первых, выделение ориентальности и декадентства как доминантных признаков «плана содержания» языковой личности, во-вторых, определение следующих особенностей «плана выражения»: постоянный языковой поиск и поиск новых форм, развитие образной системы от юношеских размышлений о смысле жизни и первой любви до глубоких ориентальных зарисовок, характеризующихся точной лексикой.

Ключевые слова: язык поэзии; структурный анализ; концептуальный анализ; творческая языковая личность; раннее творчество; Венедикт Март; «Порывы»; «Песенцы»

Настоящее исследование выполнено в рамках антропоцентрической парадигмы, постулирующей взаимосвязь языка человека и его мышления, и обращено к понятию языковой личности.

В.И. Карасик отмечает, что языковой личностью является человек, существующий в языковом пространстве — в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов [1].

Впервые термин «языковая личность» в отечественной лингвистике появился в работе В.В. Виноградова «О художественной прозе». Он рассматривал соотношение понятий языковой личности, художественного образа и образа автора в художественном произведении [2]. Ю.Н. Караулов отмечает, что при этом в анализе риторических текстов В.В. Виноградов обращает внимание на определенный аспект языковой личности создателя текста [3]. С 90-х гг. XX в. понятие «языковая личность» «...становится стержневым системообразующим филологическим понятием» [4].

Наиболее систематическое обоснование концепции языковой личности представлено в работах Ю.Н. Караулова. Языковая личность понимается им как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются (а) степенью структурно-языковой сложности, (б) глубиной и точностью отражения действительности, (в) определенной целевой направленностью» [3, с. 4]. Ученый выделил три уровня языковой личности [3, с. 38]: вербально-семантический — отражающий владение лексико-грамматическим фондом языка; когнитивный — отражающий картину мира; мотивационный.

Антропоцентрический подход, описывающий как структурные, так и когнитивные и прагматические особенности говорящего, позволяет на примере микрослепков не только восстановить особенности интересующего нас автора, но и сделать проекцию на общее языковое пространство, в котором функционирует индивидуальный язык.

Объектом настоящего исследования являются поэтические тексты ранних сборников Венедикта Марта (Венедикта Николаевича Матвеева) — личности, в чью творческую парадигму было включено несколько поэтических направлений. Он занимает видное место в социокультурном пространстве Дальнего Востока, что находит отражение в его языке.

В художественном тексте языковая личность автора выполняет функцию языковой и эстетической основы, которая актуализируется говорящим на этапе осмысления и включения элементов картины мира в образно-художественную ситуацию. По словам И.Г. Паршиной, пространство любого поэтического текста представляет собой результат творческой авторской перекомбинации действительности, в связи с чем говорить о непосредственной соотнесенности словесных выражений с системой реальных объектов невозможно [5].

В связи с тем, что основой для изучения раннего этапа становления языковой личности В. Марта являются исключительно художественные тексты, необходимы разные методы работы с ними. В исследовании используется структурный анализ, предложенный Ю.М. Лотманом для работы с поэтическими текстами [6, с. 123]. Принцип этого вида лингвистического анализа состоит в «выявлении, установлении и интерпретации поэтических смыслов» [7, с. 154]. Мы также прибегаем к концептуальному анализу, описанному Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казариным.¹ Этот анализ заключается в выведении из содержания всего текста базового концепта, а также сведений, знаний о концепте, составляющих его

¹ Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник; практикум / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. — 3 изд., испр. — М.: Флинта: Наука, 2005. — 496 с.

концептосфере. Кроме того, мы считаем необходимым анализ лексики с оценочным значением в соответствии с классификацией Н.Д. Арутюновой [8, с. 198–199].

Раннее творчество В. Марта не подвергалось систематическому лингвистическому либо литературоведческому описанию, однако мы считаем его безусловно важным для формирования творческой языковой личности В. Марта, его индивидуально-авторской картины мира.

В. Март (1896–1937) родился и вырос в Приморье, до восемнадцати лет жил во Владивостоке, где смешивались китайская, японская, корейская речь и культура. Влияние отца определило изучение Венедиктом китайского и японского языков [9, с. 151]. Он познакомился с культурой и литературой Китая и Японии через первоисточники. В этот период молодой поэт издает первый сборник — «Порывы».

Сборник «Порывы» под псевдонимом Венедикт Марьин опубликован в 1914 году во Владивостоке в типографии Н.П. Матвеева. Поэт посвятил его отцу: «Мои первые юношеские стихотворения посвящаю дорогому отцу». Отметим, что в дальнейшем В. Март не считал публикацию сборника началом своего творческого пути, начиная отсчет с произведений, написанных в Петрограде.²

Сборник состоит из 29 стихотворений без указания датировки. Мы предполагаем, что они расположены в хронологическом порядке с учетом тематики и композиции стихотворений, характера авторской оценки, использования автором ритмических структур.

Поскольку сборник включает первые стихотворные опыты, здесь мы находим эксперименты с формой и содержанием. В стихотворениях В. Март пытается передать образы знакомых людей, проанализировать их поведение, понять собственные ощущения и осмыслить свое место в мире.

Основываясь на указанных ранее методиках, для анализа вербально-семантического и когнитивного уровней этого сборника мы выбрали следующие параметры:

1. Размер, ритмический рисунок и тип рифмовки.
2. Вид рифмы.
3. Особенности произношения и ударения.
4. Словообразовательные особенности.
5. Стилистически окрашенная лексика.
6. Явления синонимии и антонимии.
7. Способы оформления сравнений.
8. Виды употребляемых метафор.
9. Типы лексической оценки.
10. Тематическая доминанта.

Отдельно мы отмечаем прагматическую сторону текста.

² Устинов, А. «Поэт Сентябрь», или Подступы к Венедикту Марту / А. Устинов // Звезда. — 2020 — № 9 — Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2020/9/poet-sentyabr-ili-podstupy-k-venediktu-martu.html> (дата обращения: 11.06.2021).

Стихотворения внутри сборника не пронумерованы, мы присваиваем каждому из них порядковый номер:

- | | |
|---------------------------------------|--|
| 1. Юности | 16. Сон |
| 2. «Ты минута счастья...» | 17. Старик |
| 3. Выше, дальше! | 18. У могилы |
| 4. В лесу | 19. Памяти А.П. Младова |
| 5. Вещий знак | 20. Памяти Ф. Малервейна |
| 6. Ветер | 21. Черт |
| 7. Грезы | 22. «Смолкли звуки — притаились...» |
| 8. другу | 23. «В эти дни тоски, печали...» |
| 9. Сны | 24. Ночью |
| 10. «Тучи над главою...» | 25. «Грезы слали розы дали...» |
| 11. «Позабыл я тяжелое горе...» | 26. «Я схоронил немало дивных снов...» |
| 12. Моему поэту | 27. «За окном моей души...» |
| 13. Огонек | 28. В дождевую бурю |
| 14. «Если тоска непосильною тенью...» | 29. В саду |
| 15. «Твоя песня слетала туманом...» | |

Продemonстрируем алгоритм анализа на стихотворении «Грезы», отличающимся от предыдущих шести текстов более сложной ритмической организацией. Здесь В. Март впервые задумывается о том, чтобы стать известным поэтом.

Стихотворение состоит из восьми строк, не разделенных на строфы, написано трехстопным анапестом с перекрестной рифмовкой (АВАВ), точной рифмой.

В стихотворении видим синонимичную рифму — *ручьём* — *ключом*, ряд контекстуальных синонимов: *зажурчал*, *засверкал*, *взволновался*, *увлек*, расположенных в градации и являющихся пояснением по отношению к слову *рассказал*: «Рассказал бы я чудные грезы, — / Зажурчал бы свободным ручьем, / Засверкал бы улыбкой игривой, / Взволновался б пьянящим ключом / И увлек бы я песней красивой!..».

В строках «Зажурчал бы свободным ручьем» и «Взволновался б пьянящим ключом» бессюзные сравнительные конструкции, характеризующие действия, создают с глаголами единый образ мелодичной песни.

В этом стихотворении автор использует метонимию *глаза*, *улыбки*, *слезы*, имея в виду людей, в строках: «Окружили туманным кольцом... / И глаза и улыбки и слезы...».

Приведём типы частнооценочной лексики, встречающейся в стихотворении. К интеллектуальной оценке относятся слова: туманным, могучим, чудные, свободным, игривой, пьянящим. К эстетической оценке относится слово «красивой». Отметим, что в этом стихотворении все оценки положительные.

Стихотворение представляет собой пожелания: В. Март рассуждает о желаемом статусе известного поэта (могучим певцом) и своих возможностях для его достижения.

Обратим внимание, что это первое стихотворение сборника, написанное трехсложным размером. В следующих стихотворениях встречаются двухсложные и трехсложные размеры и их комбинации, в связи с чем мы предполагаем, что В. Март осваивает поэтические приемы.

Остальные стихотворения сборника были проанализированы таким же образом, что позволило выявить такие особенности вербально-семантического уровня, как нестандартное использование лексических единиц. В стихотворении «Ты минута счастья...» в строках «Долго ль будет длиться / Юности порыв, / Долго ль будет тлиться / В сердце, не остыв?!..» использовано слово *тлиться* вместо *тлеть*. В стихотворении «Выше, дальше!» встречаем

гадливо вместо гадостно, а в стихотворении «Тучи над главою...» — *развал* вместо разгар. Мы предполагаем, что такое словоупотребление было характерным в языковой среде автора — к моменту издания сборника В. Март прошел все ступени детского онтогенеза и, будучи членом дворянской семьи, являлся типичным носителем литературного языка. Отметим случаи словообразования — добавление суффиксов к известным общеупотребимым словам или их усечение: *воскреснувший* вместо воскресший, *загорели* вместо загорелись. В стихах встречаются также произносительные особенности. Это, во-первых, накоренное ударение в глаголах прошедшего времени женского рода — *нагна́ла, разогна́ла, сорва́ла*, что соответствует наблюдениям К.С. Горбачевича относительно приставочных глаголов в форме женского рода [10, с. 109]. Такое ударение было характерно для поэзии XIX и XX. Во-вторых, более сильная по сравнению с современным состоянием языка редукция окончаний прилагательных мужского рода, в связи с чем в сборнике часто встречаются пары типа *милый* — *силой*, *спокойно* — *стройный*. Мы предполагаем, что заударные гласные верхнего подъема в речи В. Марта могли редуцироваться. В-третьих, неразличение конечных согласных в рифмующихся словах *ночь* и *дождь*.

Стихотворения этого сборника еще ничем не выдают дальневосточного происхождения поэта: в них не используется региональная лексика, не отражается восточная тематика, море упоминается всего однажды. Основные темы стихотворений — любовь, поэзия, грёзы, тоска и душевные терзания.

Каждая из сквозных тем сборника существует в развитии. Так, тема любви впервые возникает во втором стихотворении: «Прежний образ милый // Предо мною, вновь, — // С свежей новой силой // Вспыхнула любовь!», — а в последний раз встречается в двадцать седьмом: «И навеки чужд и сир, // Я вошел пугливо в мир. // Я без Бога, без любви... // Жизнь, зови меня, зови!», — так или иначе проявляясь в стихотворениях № 9, № 11, № 15, № 23 и № 26. Сквозной сюжет этих текстов таков: появление любви и связанных с ней чувств восторга, радости, счастья, желания творить и мечтать (2, 9); потеря любви, переживание потери, попытка противопоставить ей природу, вызывающую сходные чувства (11); воспоминания о любви, раз за разом воодушевляющие лирического субъекта, но неспособные противостоять полной страданий реальности (15–26); смирение с отсутствием любви (27).

Хотя в первом сборнике нет явных декадентских мотивов, во многих текстах появляется тема тоски: сначала как преодолимое отсутствие ярких впечатлений (3); затем как непреодолимое ощущение, связанное с окружающей действительностью (6, 10, 24, 28) — темнотой, бурей, сильным ветром; тоску вызывают отсутствие близкого человека (8), сновидения (16), мистические создания (21). В первой половине сборника поэт находит способы борьбы с тоской — это сны и светлые грёзы (9, 13): «Грёзы зажег огонек», — и музыка (14): «Музыки, музыки тихо звучащей // Хочется слышать в пространстве немом, // Чистой и светлой, как сердце молящей, // Нежной, как грёза, как ласка над сном». Во второй половине сборника они оказываются бесполезными: «Смолкли звуки — притаились. // Нет желанного огня. // Счастья дни давно сокрылись // Провожая дни кляня!», — в стихотворениях № 21, № 22, № 23, № 24, № 25, № 27 тоска переполняет лирического субъекта, оказываясь беспросветной.

Тексты, объединенные темой тоски, не формируют сквозного сюжета, однако расположены в порядке усиления этого чувства.

Поэзия находится в тесной связи с грёзами и мечтами. Ее В. Март видит своим предназначением (7): «Если б был я могучим певцом, — // Рассказал бы я чудные грёзы». Лирический субъект стихотворения «Моему поэту» (12) так обращается к своему адресату: «Я понял твои откровенья, // Скорбь в твоих звонких стихах. // Мне чудятся те же виденья, // Так же я вижу их в снах», — показывая тем самым, что тоже осознает себя поэтом. Усложняющаяся

организация стихотворений свидетельствует о творческом поиске, возможно, о процессе изучения стихосложения: двудольные размеры начинают сменяться трехдольными, начинает меняться характер рифмовки.

Поэзия как предназначение также уложена в сквозной сюжет: предназначение декларируется в стихотворениях № 7 и № 12; в стихотворении № 27 лирический субъект оказывается на пороге жизни, которая не подтверждает предназначения; в стихотворении № 28 лирический субъект оказывается разочарованным в себе и жизни: «Цепью долга я прикован. // И, как, все — я раб желаний. // В жизни я разочарован // И устал от проклинаний...»; в заключительном стихотворении субъект смиряется с невозможностью следовать предназначению поэта: «Свою судьбу прочел, // И с горечью, с укором // В судьбе своей нашел // Мой яд, мою отраву, — // Нашел в мечте своей; // В мечте достигнуть славу // В сердцах глухих людей».

Кроме трех названных тем, в сборнике есть четыре стихотворения о людях: «Старик» (17), «У могилы» (18), «Памяти А.П. Младова» (19) и «Памяти Ф. Малервейна» (20), и одно пейзажное «В лесу» (4).

Итак, сборник «Порывы» дает следующие представления о когнитивном уровне языковой личности В. Марта:

1. Основным способом художественного переосмысления действительности является интеллектуальная оценка, которой подвергаются как внешний мир, так и внутренние переживания автора.
2. Доминантными эмоциями, которые переосмысляет юный В. Март, становятся тоска; неуверенность в правильности избранного творческого пути; ощущение потери в связи с переживаемой неудачной первой любовью; душевные страдания, связанные с переживаемой неудачной первой любовью.
3. Главными концептами, отраженными в текстах, являются любовь, поэзия, тоска.
4. В процессе композиционного развертывания сборника оформляются представления о сути поэзии и собственного поэтического дара, о ценности любовных переживаний как основы для творчества, о собственном творческом пути.

В связи с четвертым пунктом мы делаем предположение о том, что именно в этот период В. Март формирует восприятие литературной деятельности как основной для будущего интеллектуального и профессионального развития, в связи с чем поездка в Москву являлась для него желаемым этапом в профессиональном становлении. Именно поэтому последние стихотворения сборника содержат оценку уже пройденного отрезка творческого пути и переоценку взглядов на роль поэта в обществе: «Мой яд, мою отраву, — / Нашел в мечте своей; / В мечте достигнуть славу / В сердцах глухих людей».

Описывая концепты, репрезентации которых мы находим в сборнике, формируем следующие пересекающиеся поля:

«Любовь», для ближней периферии которой характерны: нежность, ласка, страсть; для дальней периферии — весна, счастье, свет, лучи; авторскими репрезентациями можно считать саму фигуру возлюбленной, небесную лазурь, легкие сны, песни.

«Поэзия», ближняя периферия которой представлена так: рифма, слова, стихи, песни; дальняя — откровения, публика, мечты; авторскими репрезентациями становятся сны, грезы, свет, небесная лазурь, светлые дали.

«Тоска», для ближней периферии которой характерны: грусть, печаль, гнет, одиночество, страдания; дальней периферией считаем тень, ночь, сумрак, бурю, боль; авторские репрезентации: жуть, гнет-печаль, чад, дурман, туман.

Мы видим четкое деление «хорошего» и «плохого» на «светлое», «освещенное», «горящее», «тлеющее» и «ночное», «темное», «неосвещенное», «остывающее».

Период написания стихотворений сборника «Песенцы» характеризуется художественным освоением ориентальной темы, начавшемся с лирических «зарисовок с натуры», обращением к декадентским мотивам. Во время пребывания в Петербурге, В. Март пишет стихотворения «Песенцы» (1915), «На Амурском заливе» (19 февраля 1916) «В курильне» (4 февраля 1916).

Сборник «Песенцы» издан в 1917 году в типографии Н.П. Матвеева и включает 19 стихотворений, 6 из которых представляют собой ранние попытки перевода японской поэзии.

«В потемках томится, блуждает...»

Песенцы

В курильне

У Фудзядяна

На Амурском заливе

Мой гипсовый череп

В чайном домике

Танка микадо Мацухито:

1. Часы

2. Камень драгоценный

3. Меч

4. Сердце и тростник

Из Очиаи

Из Иосано

Хокку (хайкай)

1. В сумерки

2. У замерзших стекол

Жуткие танка

1. Март

2. Вспоминанья

3. Сердца

4. Похороны

Сборник представляет интерес в первую очередь из-за своей ориентальной составляющей: в нем мы выделяем три типа текстов: поэтические зарисовки Владивостока, каким он предстает в сознании молодого автора — здесь автор в роли пассивного наблюдателя: «В Курильне», «У Фудзядяна», «На Амурском заливе», «В чайном домике»; стихотворения, в которых автор выступает в роли субъекта восприятия: «В потемках томится, блуждает...», «Песенцы», «Мой гипсовый череп»; стихотворения, представляющие из себя попытку погружения в японскую культуру: «Бисер» — шесть переводов с японского и попытка стилизации под японскую поэзию: два хокку и «Жуткие танка».

Составитель наиболее полного собрания сочинений В. Марта Сергей Шаргородский делает следующее замечание относительно расположения стихотворений: «при обращении к ранним сборникам В. Марта становится совершенно очевидным одно немаловажное обстоятельство: каждая из этих тоненьких книжечек мыслилась автором в качестве определенного концептуального единства». ³ В связи с этим мы считаем концептуально значимым взаимное расположение стихотворений. В сборнике «Песенцы» мы обращаем внимание в первую очередь на ориентальную составляющую.

Прежде чем обратиться к наиболее показательным стихотворениям этого небольшого раздела, отметим, что следующий за стихотворением-посвящением текст «Песенцы» признается нами не только зарисовкой-воспоминанием, но и стихотворным пояснением

³ Март, В. Великий град трепангов [Электронный ресурс] // Собрание сочинений. — Т. 1. — Режим доступа: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/mart-ss-01/mart-ss-01.html#s005> (дата обращения: 11.06.2021).

названия сборника: «"Песенцы" что читал я в очах, — / Хай-шин-вэй вспоминая, слагаю». Стихотворение «На Амурском заливе» В. Март посвящает отцу — Николаю Матвееву-Амурскому, что позволяет нам отметить связь города с представлениями о семье.

Анализируя тексты этого сборника, мы прибегаем к названным ранее методикам. Сравним стихотворения «В курительне», «На Амурском заливе» и «В чайном домике». Здесь, кроме одинакового деления на строфы и системы рифмовки, мы наблюдаем практически типизированную структуру лирического повествования: декларируется находящийся внутри зарисовки наблюдатель, фиксируется окружающая его действительность — характерные для каждой из локаций элементы интерьера/пейзажа (шкура тигрицы, лампа, циновки; синие воды залива, туман, склоны; циновки, подушки, бумажная стенка, клеть из бамбука) и типичные «персонажи» (женщина с юношей, желтые люди; гуляка, рикша, угольщик, торговец «кара», моряк-чужестранец, школяр, старик). Примечательно, что стихотворения написаны за сравнительно небольшой временной промежуток — январь-февраль 1916 года, что может объяснять сходство структуры повествования.

Говоря о втором разделе сборника — «Бисер», необходимо отметить разницу между переводами и авторской стилизацией: «Жуткие танка» содержат окказионализм, стилистически окрашенную лексику, демонстрирующую декадентские оттенки, в то время как переводы содержат лексику высокого стиля и при этом лишены часто встречающейся в авторских текстах звукописи, метафоричности. В целом, авторские стихотворения, входящие в сборник, построены с использованием лексики высокого стиля, и это в дальнейшем станет одной из характерных черт поэтического стиля В. Марта.

Интересен с точки зрения прагматики выбор переведенных стихотворений — В. Март включает в сборник танка, так или иначе описывающие личностные качества человека. Мы делаем предположение, что молодой автор находил значимой такую парадигму ценностей, причем она прослеживается как в переводах 1914 года, так и в тех, которые сделаны в 1916 году.

Анализ лексики с оценочным значением в соответствии с классификацией Н.Д. Арутюновой показал, что в данный период творчества для автора в большей степени значимы сенсорные оценки, передающие непосредственно воспринимаемые ощущения, цвета, звуки. Из 38 оценочных слов 24 — зрительная оценка, 10 — слуховая и 4 — осязательная. Отметим его эстетическую оценку китайцев — героев первого раздела — «желтолицый», «желтые».

Интеллектуальную оценку в стихотворениях мы встречаем всего 5 раз, причем первое стихотворение построено целиком на ней, а дважды она выражена словом «жуткий» — в «Мой гипсовый череп» и в третьих «Жутких танка».

Примечательно, что для сборника «Порывы» наиболее частотной является интеллектуальная оценка.

Сборник «Песенцы» дает следующие представления о когнитивном уровне языковой личности В. Марта:

1. Основным способом художественного переосмысления действительности является сенсорно-вкусовая оценка, которой подвергаются как внешний мир, так и внутренние переживания.
2. Наиболее продуктивным способом оценки внешнего мира становится зрительная оценка.

3. Японские тексты, отражающие морально-этическую оценку личностных качеств человека, входят в сборник не только из-за их ценности для В. Марта, но и в качестве демонстрации его мультикультурного опыта.
4. Ориентальная тематика сборника демонстрирует переосмысление ценности мультикультурного опыта для формирования личности В. Марта.
5. Подражание японской поэзии носит формальный характер: звукопись в хокку.

Концептуальной основой сборника становится Владивосток как мультикультурное пространство, пересечение русской, китайской и японской культур.

В сборнике «Песенцы» обнаруживаются первые тексты, отражающие декадентскую эстетику: «В курильне», «В чайном домке», «Мой гипсовый череп», «Жуткие танка».

Для этой эстетики характерны мрачность, развенчание старого, потому что оно стало безжизненной схемой, бунт против установившихся канонов, противопоставление крайнего индивидуализм беззаветной самоотверженности. Автор здесь воспринимается как утонченный художник, гибнущий в силу своей утонченности.

Проводя обобщение, установим два плана (план содержания и план выражения), которые включены в каркас «внутренней формы» языковой личности поэта В. Марта. Учитывая, что для начального периода творчества доминантными признаками плана содержания являются ориентальность и декадентство, мы выделили следующие частные моменты плана выражения:

1. Постоянный языковой поиск: от примитивной двусложной формы он последовательно в рамках одного сборника переходит к трехсложным размерам, а в рамках двух сборников — к разнообразным строфам и видам рифмовки.
2. Усложнение рифмы от глагольной и точной к неточной.
3. Развитие образной системы от юношеских размышлений о смысле жизни и первой любви до глубоких ориентальных зарисовок, характеризующихся точной лексикой.
4. Появление сюжетных стихотворений — зарисовок из Владивостокской жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
2. Виноградов, В.В. О языке художественной прозы / В.В. Виноградов. — М.: Наука, 1980. — 317 с.
3. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. — 7 изд. — М.: Изд-во ЛКИ, 2010. — 264 с.
4. Кочеткова Т.В. Проблема изучения языковой личности носителя элитарной речевой культуры (обзор) // Вопросы стилистики. Язык и человек. — Саратов, 1996. — Вып. 26. — С. 14–25.
5. Паршина, И.Г. Языковая личность поэта в региональном пространстве словесно-художественной картины мира / И.Г. Паршина // Известия ВГПУ — 2011 — № 5 — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-lichnost-poeta-v-regionalnom-prostranstve-slovesno-hudozhestvennoy-kartiny-mira> (дата обращения: 07.05.2022).

6. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста / Ю.М. Лотман. — СПб.: Азбука, 2016. — 704 с.
7. Казарин, Ю.В. Поэтический текст как система: монография. — Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 1999. — 260 с.
8. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. — 2-е изд., испр. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 911 с.
9. Забияко, А.А. Художественная этнография Венедикта марта: Дальневосточный период / А.А. Забияко, А.А. Левченко // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2014. — № 4(30). — С. 150–165.
10. Горбачевич, К.С. Вариантность слова и языковая норма: на материале современного русского языка / К.С. Горбачевич. — Ленинград: Наука, 1978. — 240 с.

Fadeeva Alena Ivanovna

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: yallery30@gmail.com

Venedikt Mart's early poetical works in the context of creative linguistic persona

Abstract. Venedikt Mart is a futurist poet whose language reflects the Far-Eastern mindset. The author's linguistic personality study allows not only to establish his peculiarities, but also to make a projection to the general sprachraum in which the Private Language functions. The present study aims to reveal the peculiarities of Venedikt Mart's creative linguistic personality at its early formation stage, which will create a basis for its further study. The methodological and theoretical study base was formed by the works of Y.N. Karaulov, M.Y. Lotman, N.D. Arutyunova, L.G. Babenko. The article demonstrates the algorithm and presents analysis results of the poetry collections «Poryvy» and «Pesentsy». On based on the collection «Poryrov» texts analysis the following conclusions are made concerning the author's linguistic personality: (a) the main way of artistic rethinking of reality is intellectual evaluation; (b) the dominant emotions are longing, uncertainty, mental suffering; (c) the main concepts reflected in the texts are love, poetry, longing; (d) in the process of collection's compositional deployment the author's ideas about the essence of poetry, the value of love experiences, his own creative path are formed. As the analysis result of the collection «Pesentsy» the following observations are made concerning the cognitive level of the author's linguistic personality: (a) the most productive way of evaluating the external world is visual evaluation; (b) multicultural experience becomes relevant for the author; (c) imitation of Japanese poetry is formal. The work results are, firstly, allocation of orientalism and decadence as dominant features of the linguistic personality «expression plane», secondly, determination of the following features of the «expression plane»: constant linguistic search and search for new forms, development of the image system from youthful reflections on the meaning of life and first love to deep oriental sketches characterised by precise vocabulary.

Keywords: language of poetry; structural analysis; conceptual analysis; creative linguistic personality; early work; Venedikt Mart; «Poryvy»; «Pesentsy»; «Gusts»; «Songs»